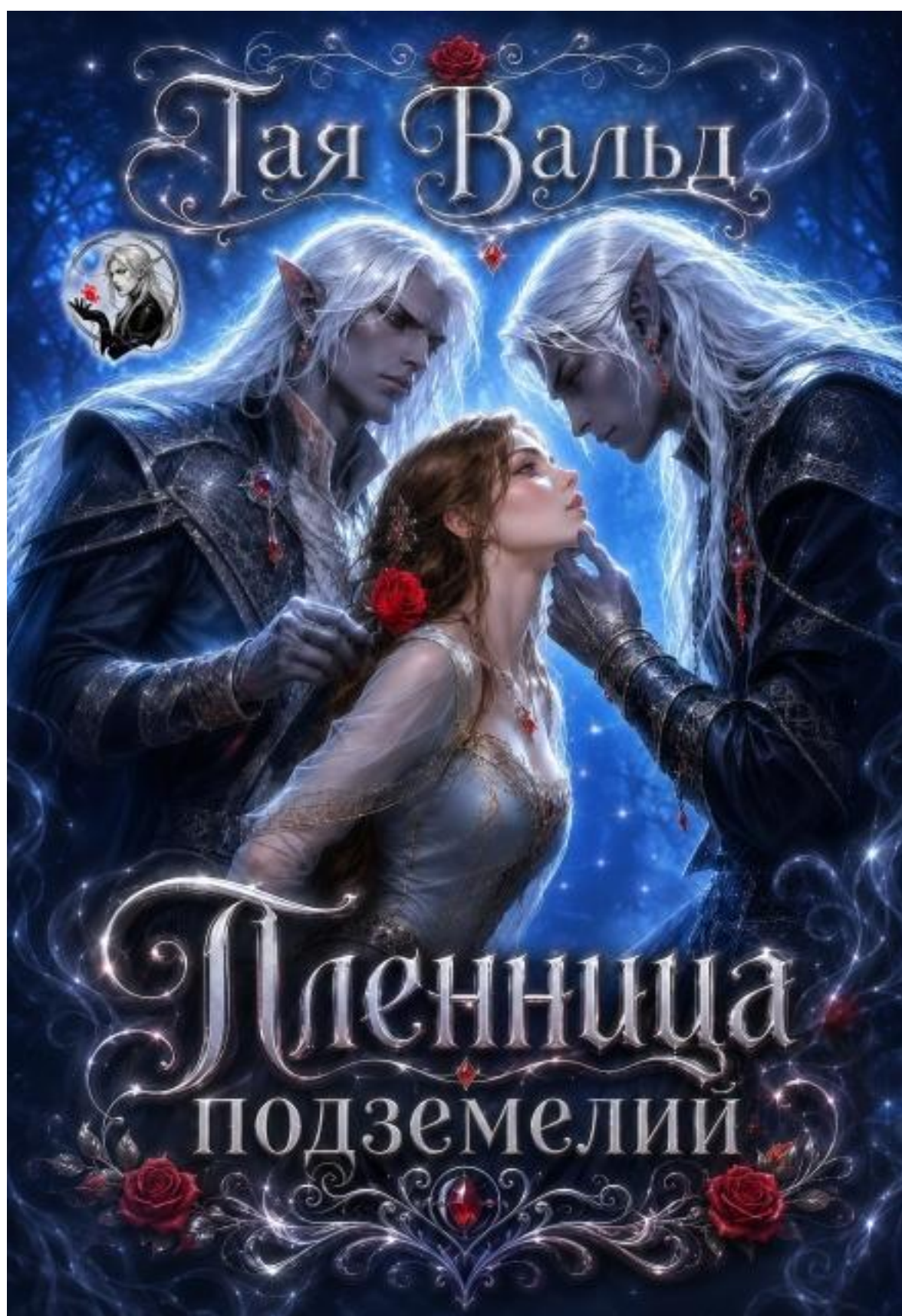

Тая Вальд

Пленница подземелий

«Литнет»

2026

Вальд Т.

Пленница подземелий / Т. Вальд — «Литнет», 2026

Два брата-дроу похитили меня ради одной цели: я должна понести ребёнка и обеспечить будущее их дома. В подземном городе у меня нет ни прав, ни защиты, ни дороги назад. Для здешних правительниц я всего лишь человеческий сосуд. Для Зирраэля и Файриина — пленница, которую они собираются делить. Они привыкли получать желаемое. Я привыкла улыбаться даже тогда, когда страшно. С каждым днём сопротивляться их прикосновениям становится труднее. Моё тело отвечает обоим, на коже появляется древняя метка, а попытка вернуться домой едва не убивает нас троих.

© Вальд Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	20
5	26
6	31
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

1

Поклон прошёл хорошо. Картонная балюстрада не рухнула, а графин, который я должна была разбить во втором акте, раскололся с первого раза. Для нашего театра это считалось почти безупречным спектаклем. Я стояла в третьем ряду артистов и улыбалась зрителям так, будто именно ради моей безымянной фрейлины они два с половиной часа терпели страдания главной героини.

— Ладушка, не убегай, сегодня посидим у Валеры, — шепнула мне стоявшая рядом Полина, продолжая улыбаться залу. — У него день рождения, пиццу заказали.

— Я бы с радостью, но у меня через сорок минут сбор на второе представление.

— Ты когда-нибудь вообще отдыхаешь?

— Конечно. В метро. Иногда мне даже удаётся сесть.

Занавес закрылся, исполнитель главной роли стащил парик, Полина побежала фотографироваться с поклонниками, а я поспешила в общую гримёрку. До клуба было двадцать минут на машине, и мне ещё требовалось превратиться из придворной дамы в женщину, ради которой публика покупала дорогие коктейли.

Телефон мигал уведомлениями. Хозяйка напоминала, что через три дня оплата квартиры, администратор бурлеска спрашивал про новый выход и предупреждал, что опоздавшие красятся прямо в такси. Сообщение из банковского приложения я даже открывать не стала. Там никогда не писали ничего приятного.

Я допила холодный кофе, оставшийся с антракта. Ужин снова получался жидким и с ванильным сиропом. Завтра я обязательно собиралась поесть нормально, как собиралась почти каждый вечер.

В гримёрке меня торопливо обняли, сунули в руки кусок пиццы и почти сразу забыли: у всех были свои планы на этот вечер. Я не обижалась. Мы с коллегами прекрасно общались на работе, просто после закрытия театра каждый уходил к своим людям, а я — на второе представление или в съёмную однушку.

Пока мне расшнуровывали платье, я доела пиццу и достала костюм для вечернего номера: чёрные шорты, красный корсет со стразами, чулки и охалку перьев. На одном опять разошёлся шов. Я быстро прихватила край ниткой. Костюмы я давно привыкла чинить сама.

— Владислава, ты последняя? — заглянула уборщица.

— Ещё пять минут, тёть Нин. Я свет выключу.

— Дверь только захлопни. Охранник внизу.

Коридор затих. Я осталась одна перед зеркалом, окружённым лампочками. Сняла светлый парик, собрала свои каштановые волосы наверх и затянула красный корсет. Вокруг лежали пудра, тени, стразы, ресницы, помады, кисти и баллончик лака, способного удержать причёску даже во время урагана.

Я стёрла остатки бледного грима фрейлины, нанесла основу потемнее и потянулась за тенями. В коридоре хлопнула дверь, затем послышались шаги.

Я не обернулась. В театре после спектакля постоянно кто-нибудь возвращался за забытым телефоном, шарфом или собственным ребёнком, оставленным на попечение вахтёрши.

Дверь гримёрки открылась.

— Тёть Нин, я почти всё. Только ресницы приклею и...

В зеркале отразились двое мужчин.

Я медленно опустила кисть.

Оба были очень высокими. Даже на каблуках я едва доставала бы каждому до подбородка. Первому пришлось слегка наклонить голову, чтобы не задеть дверной косяк, второй вошёл следом и остановился у двери, почти полностью загородив собой проход.

У мужчин была серовато-тёмная кожа, длинные серебряные волосы и красноватые глаза. Из волос выступали заострённые уши. На обоих были лёгкие кожаные доспехи, украшенные чёрным металлом и красными камнями. Первый был шире в плечах и выглядел старше, второй двигался легче и рассматривал гримёрку с нескрываемым интересом.

Я повернулась на стуле.

— Вот это подготовились. Ребята, вы из какого номера?

Широкоплечий мужчина осмотрел помещение так, словно оказался в подсобке дешёвой столовой. Его взгляд скользнул по вешалке с костюмами, коробкам с париками и моему недоеденному куску пищи. Второй задержался глазами на красном корсете, потом посмотрел на разбросанные по столу перья и едва заметно поднял бровь.

Наверное, новые артисты из клуба решили забрать меня по дороге. В бурлеске кого только не встретишь. У нас выступали девушки с крыльями, мужчина в образе рогатого демона и семейная пара, которая умудрялась раздеваться, висая под потолком. Два мрачных эльфа на их фоне выглядели почти скромно.

— Нет, серьёзно, у вас потрясающий грим. Это аэрограф?

Я поднялась и подошла к более широкоплечему. Вблизи он оказался ещё выше. Пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Я провела пальцами по его щеке, пытаюсь понять, чем добились настолько ровного цвета. Кожа оказалась тёплой, гладкой и совершенно не липкой.

— Даже у линии волос ничего не видно. Вы обязаны сказать, кто вас красил!

Мужчина застыл. Красные глаза сузились, а взгляд медленно опустил на мою руку.

— Убери свою руку.

Голос был низким и очень убедительным. Я послушно убрала руку, но тут же посмотрела на ухо. Оно выглядело ещё лучше лица. Никакого клея, силикона или заметного края.

— А уши где заказывали?

Я осторожно провела пальцем по заострённому кончику. Ухо едва заметно дёрнулось.

— Ты посмотри, она тебя трогает, — сообщил второй с таким интересом, будто наблюдал редкий природный случай.

— Я заметил, Файриин.

— И не дрожит даже!

— Почему я должна дрожать? — Я отступила на шаг и снова оглядела обоих. — Костюмы у вас прекрасные, но не настолько страшные. Хотя выражение лица замечательное. Очень надменное. Вы братья или вас просто один режиссёр ставил?

Второй усмехнулся. Первый продолжал смотреть на меня так, будто ещё не решил, наказать или внимательно изучить.

— Я Зирраэль из Первого дома Ночной короны, — произнёс он. — Это мой брат Файриин. Мы пришли за тобой.

— Очень приятно. Владислава, но все зовут меня Ладой. А кто вас прислал? Рома? Передайте, что я почти готова.

— Нас никто не присылал, человеческая женщина, — ответил Зирраэль. — Ты отправишься с нами.

Я посмотрела на него, потом на Файриина. Тот улыбался уже открыто, явно ожидая моей реакции.

— Ребята, ну это, проще надо быть. Сейчас вы звучите как два типичных властных красавчика из дешёвого женского фэнтези. Ещё скажите, что я ваша пленница, и перекиньте через плечо.

— Если ты не подчинишься, так и будет, — серьёзно сказал Зирраэль.

— Прекрасное вживание в роль. Правда. Даже голос не ломается. Но у меня меньше через полчаса выступление. Администратор меня убьёт, а потом воскресит, чтобы ещё раз убить за сорванный номер.

Я вернулась к столику и потянулась за косметичкой. В зеркале видела, что мужчины не двигаются. Зирраэль следил за мной с прежним недовольством, а Файриин склонил голову набок.

На груди Зирраэля вспыхнул красный свет.

Он вытащил из-за ворота крупный камень. Внутри него медленно пульсировало багровое сияние.

— Время заканчивается, — произнёс Файриин.

— Вижу.

— Какое время? — спросила я, застёгивая косметичку. — Если вы тоже опаздываете, можем вызвать одно такси.

Зирраэль сжал камень.

Лампочки вокруг зеркала замигали. Отражение дрогнуло, затем исчезло. Вместо него появилась густая чёрная поверхность, по которой расходились багровые прожилки.

Косметичка выпала у меня из рук.

Из зеркала потянуло ледяным ветром. Лежавшие на столе перья зашевелились, а несколько страз покатались к чёрной поверхности.

Я попятилась.

Теперь происходящее никак не получалось объяснить хорошим гримом, дорогими костюмами или новым номером.

— Так, — медленно произнесла я. — Представление становится слишком убедительным. Давайте мы остановимся и позовём охранника.

Файриин шагнул ко мне.

Я попятилась и нащупала рукой стол.

— Не приближайся. Я серьёзно. Я сейчас закричу.

— Кричи, — неожиданно разрешил он. — Мне любопытно, поможет ли это.

— Файриин, хватит. Бери её.

Он оказался рядом быстрее, чем я успела отшатнуться. Одна рука обвилась вокруг талии. Я вдохнула запах кожи, холода и мокрого камня, и это совершенно не было похоже на театральную косметику.

— Отпусти меня!

— Не могу, человеческая женщина. Времени действительно не осталось.

Свободной рукой я схватила первое, что попало на столе. Это оказался лак для волос. Я направила баллончик ему в лицо и нажала.

Файриин резко отвернулся, но часть липкого облака попала на щёку и серебряные пряди. Он замер, провёл пальцами по волосам и посмотрел на них с таким потрясением, будто я только что осквернила семейную святыню.

— Что она сделала?

— Теперь причёска продержится до утра, — выдохнула я и снова нажала на баллончик.

Файриин перехватил моё запястье.

— Зирраэль, она испортила мне волосы!

— Потом разберёшься.

— Уберите от меня руки! Помогите! Охрана!

Я брыкалась, наступала Файриину на ноги каблуками и пыталась укунить за плечо. Он выругался на незнакомом языке, но смысл я почему-то поняла. Зирраэль схватил меня за ноги, и перекидывание через плечо внезапно перестало быть шуткой.

Я успела вцепиться в край тяжёлого занавеса, висевшего у входа. Ткань натянулась. Послышался треск креплений. На секунду мне показалось, что сейчас в коридоре появится тётя Нина или охранник, но дверь оставалась закрытой.

— Лада! — донёсся издали голос уборщицы.

— Сюда! Они меня похищают!

Зирраэль активировал камень. Чёрный круг распахнулся шире, из него ударил ледяной ветер. Братья шагнули внутрь, унося меня с собой. Я не отпустила занавес, пока ткань не порвалась и огромный бордовый кусок не пролетел следом за нами.

Всё исчезло.

На несколько мгновений исчезли пол, свет и воздух. Потом под ногами появился холодный камень.

Файриин поставил меня на пол. Я пошатнулась, но удержалась и сразу отскочила от него, прижимая к груди оторванный кусок занавеса.

Мы находились в огромном зале. Потолок терялся в темноте, колонны уходили вверх, а по чёрным стенам тянулись синие светящиеся прожилки. За широкими арками открывался вид на пропасть. Далеко внизу и на противоположных скалах горели тысячи огней, между башнями висели мосты, двигались крошечные фигурки. Это был целый город, высеченный внутри горы.

Ни окон, ни неба я не увидела.

— Хорошо, — пробормотала я. — Допустим, декорации у вас тоже отличные.

Я обернулась. За спиной ещё дрожало чёрное зеркало. В нём на мгновение показались лампочки гримёрки, распахнутая дверь и тётя Нина. Я бросилась туда, но поверхность начала затягиваться.

— Нет. Нет, подождите!

Пальцы встретили гладкий холодный камень. Я стала ощупывать стену, искать край, ручку, хоть что-нибудь. Чёрное пятно исчезло окончательно. Осталась цельная стена без единого шва.

Зирраэль перехватил меня за талию и оттащил назад. Я ударила его локтем, но он даже не пошатнулся.

— Отпусти! Верни меня обратно! Вы вообще понимаете, что это похищение? Меня будут искать. У меня через полчаса выход!

— Ты никуда не выйдешь, — спокойно ответил он.

— Да кто вы такие? Где я?

Зирраэль развернул меня к себе. В синем свете его кожа уже не казалась гримом, красные глаза светились изнутри, а длинное ухо, которого я недавно касалась, едва заметно шевельнулось.

— Ты находишься в Великой горе. Нашему дому нужен наследник, и ты родишь его одному из нас.

2

Несколько секунд я смотрела на Зирраэля, ожидая, что он всё-таки улыбнётся. Хотя бы чуточку, хотя бы уголками губ. Нормальный человек не мог произнести такое всерьёз, сохраняя лицо каменного надгробия.

Но он вообще не улыбался.

Файриин стоял рядом и разделял склеившиеся лаком пряди. Он выглядел сердитым, но всё происходящее по-прежнему казалось плохо придуманным розыгрышем.

— Хорошо, — сказала я. — Костюмы прекрасные, декорации дорогие, сценарий отвратительный. Где скрытая камера?

Зирраэль нахмурился.

— Что ты хочешь найти?

— Камеры, все ваши скрытые камеры. А то потом вы покажете всем, как актриса поверила в эльфов. Не поверила. Давайте заканчивать этот спектакль.

Последние слова прозвучали менее уверенно. За аркой проплыли прозрачные шары с синим огнём, освещая мост над пропастью. По нему прошли две остроухие женщины и вооружённые мужчины.

Один из шаров остановился возле нас. Файриин поднял руку, и тот опустился к его ладони, будто послушное животное.

Я посмотрела на шар, потом на чёрную стену, где недавно находилась моя гримёрка.

— Это магнит, да?

— Нет, — ответил Файриин.

— Значит леска?

— Я не знаю этих слов.

Он коснулся шара. Огонёк рассыпался на искры, облетел его руку и собрался снова.

Из бокового прохода появились четверо стражников с мечами и копьями. Они ударили кулаками по груди и заговорили на незнакомом языке. Однако смысл почему-то сразу складывался в голове.

— Переход закрыт, господа. Чужих следов нет.

— Усильте охрану порталного зала, — приказал Зирраэль. — О прибытии женщины пока не сообщать другим домам.

Я повернулась к нему.

— Почему я вас понимаю?

— Камень перехода связал твою речь с нашей. Иначе от тебя было бы мало пользы.

— Значит, похищение вы планировали заранее.

Мне стало трудно дышать. Вокруг горели магические огни, стражники выполняли приказы, а внизу жил какой-то фэнтезийный город. Башни росли из стен пещеры, мосты соединяли уровни, по улицам двигались сотни огоньков. Здесь действительно не было ни неба, ни выхода, который я могла увидеть.

Я прижала к груди кусок театрального занавеса.

— Верните меня, — сказала я уже без шуток.

— Сейчас это невозможно, — ответил Зирраэль.

— Вы открыли проход сюда, значит, откроете обратно.

— Для перехода требовались сила мага, наша кровь и энергия камня. Следующее открытие возможно через несколько лунных циклов.

— Мне плевать, что вам требуется. Я не просила меня сюда притаскивать.

Я рванулась к стене, но Зирраэль перехватил меня. Ладонь легла на кожу между корсетом и шортами. По телу прошла горячая волна. Он тоже замер, а красные глаза на мгновение вспыхнули.

Файриин смотрел на его руку с таким выражением, будто тоже почувствовал что-то неприятно неожиданное.

— Отпусти, — потребовала я.

Зирраэль резко убрал ладонь.

— Отведите нас в приготовленные покои.

Стражники окружили нас. Кричать здесь было бесполезно. Я завернулась в бордовый занавес, прикрывая корсет и чулки, и пошла сама.

Мы прошли по мосту над пропастью. Навстречу попадались ещё такие же темнокожие эльфы. Женщины носили длинные платья, оружие и тяжёлые украшения, мужчины — облегающие куртки и плащи. Все смотрели на меня и на красные перья, торчавшие из-под занавеса.

Я пыталась запоминать дорогу, но коридоры расходились во все стороны, лестницы висели над пустотой, а двери открывались от прикосновения к светящимся знакам. Без карты отсюда было не выбраться.

Зирраэль коснулся ладонью чёрной створки, и та бесшумно ушла в стену. Нас впустили в просторную комнату.

Тёмные стены покоев блестели серебряными прожилками, мебель была сделана из металла и чёрного дерева. Под потолком плавали кристаллы, в углублении стены журчала вода.

В центре стояла огромная кровать, на которой разместились бы три человека и небольшая театральная труппа.

Я медленно повернулась, осматривая стены. Ни одного окна.

— Где выход на улицу?

— Мы находимся внутри Великой горы, — сказал Файриин. — Здесь нет улиц в твоём понимании.

— Тогда окно во двор, вентиляция, пожарный выход? У вас должно быть хоть что-нибудь, через что можно увидеть небо.

— Небо находится снаружи.

— Спасибо, это я уже поняла. Как попасть наружу?

Братья переглянулись.

— Днём никак, — ответил Зирраэль. — Солнечный свет смертельно опасен для нашего народа. До внешних врат отсюда несколько часов пути.

Комната сразу показалась меньше. Я согласилась бы даже на вид на стену соседнего дома и мусорные баки, лишь бы за стеклом было настоящее небо.

— Сядь, — приказал Зирраэль. — Нам нужно поговорить.

— Я и стоя прекрасно слышу.

— Как пожелаешь.

Файриин устроился в кресле. Зирраэль остался напротив меня и заговорил так, словно речь шла о деловом соглашении.

Великой горой управляла избранная Великая Мать. Нынешняя правительница оставляла место, на которое претендовала мать братьев. Но её дом должен был доказать способность продолжить род. До смены власти оставалось два лунных месяца.

Женщины дома отказались рожать. Они не были бесплодны, просто не хотели детей, постоянных мужей и долгих обязательств.

— А мужчины, значит, захотели? — спросила я.

— Наше желание не имеет отношения к долгу, — ответил Зирраэль.

— Прекрасно. Моё, видимо, тоже никого не интересует.

Мать приказала сыновьям найти женщину любой расы. Похищение девушки из соседних земель могло вызвать конфликт, поэтому придворный маг открыл переход в мир, откуда никто не сумеет прийти за пленницей.

Портал мог перенести одну совместимую женщину. Отцом должен был стать Зирраэль как старший сын. Файриин удерживал вторую часть заклинания и обеспечивал безопасность.

— Хорошо обеспечил, — заметила я, глядя на склеенную прядь у его виска.

Файриин коснулся волос и прищурился.

— Я не знал, что ты вооружена ядовитым сосудом.

— Это лак для волос. Смоешь потом водой.

Разговор о лаке позволил мне снова вдохнуть нормально. Зирраэль подошёл ближе. От него пахло холодом и камнем. Его взгляд опустился к моей шее. Файриин тоже посмотрел на меня слишком внимательно.

— Что? — спросила я.

— От тебя странно пахнет, — сказал Зирраэль.

— Я весь день работала, потом меня протащили через стену два незнакомых мужчины. Духами уже не пахнет, а в душ отвести вы меня не догадались.

— Запах приятный, — возразил Файриин и сделал шаг ко мне.

Их взгляды стали тяжелее. Я запахла занавес плотнее.

— Этой ночью ты останешься со мной, — произнёс Зирраэль. — Мы начнём выполнять приказ матери. После подтверждения зачатия твоё положение изменится.

— То есть сейчас я никто, а потом стану ценной беременной пленницей?

— Ты получишь защиту нашего дома, лучшие покои и всё необходимое.

Я посмотрела на кровать. Драться с ними я не могла, бежать не знала куда, а уговоры вряд ли подействуют.

Зато они ничего не знали о людях.

— Нельзя, — быстро сказала я.

— Что нельзя?

— Спать со мной нельзя. Касаться тоже нежелательно. Я заразная!

Оба замерли.

— Лекарь проверит тебя, — сказал Зирраэль.

— Ваш лекарь знает все человеческие болезни? Чума, лишай, герпес, бешенство, грибок, чесотка. Их не видно, но они проникают в мужчину, размножаются, а потом он умирает в страшных муках.

Файриин чуть отступил.

Воодушевившись, я закашлялась, дёрнула плечом и часто заморгала. Затем оскалила зубы и потянулась к его руке.

— При бешенстве ещё кусаться хочется.

Он убрал ладонь прежде, чем я успела сомкнуть зубы.

— Зирраэль, камень мог ошибиться?

— Нет.

— А ещё у меня страшная театральная инфекция, — продолжила я. — Сначала чешутся уши, потом выпадают волосы, а после отпадают самые дорогие части тела. У мужчин особенно быстро.

Файриин посмотрел вниз, потом на меня. Я закашлялась, пошатнулась и схватилась за горло.

— Она лжёт, — сказал Зирраэль.

— Возможно. Но ты готов проверить это собственной дорогой частью тела?

Старший брат промолчал. Рисковать важной частью тела он не собирался.

Файриин обошёл меня по кругу, стараясь держаться на расстоянии. Потом серьёзно спросил:

— Ты точно больна телом? Возможно, твоя болезнь располагается в разуме?

Я перестала кашлять.

— Ты сейчас назвал меня сумасшедшей?

— Я пытаюсь определить источник странностей.

— Со мной всё прекрасно. Я заслуженная артистка двух гримёрок, а вовсе не блаженная.

Не всем же ходить с таким лицом, будто мир задолжал им корону.

Файриин посмотрел на брата.

— Это было о тебе.

— Вызови лекаря, — приказал тот.

Пожилого лекаря звали Эллиар. Он принёс несколько склянок и прозрачный кристалл размером с яблоко. Я надеялась на обычные вопросы, но он велел положить на камень обе ладони.

— Это обязательно?

— Если ты опасаясь прикоснуться к чистому камню, твоё заболевание действительно необычно.

Пришлось подчиниться.

Кристалл нагрелся. Внутри появилось моё прозрачное изображение, проступили кости, органы и сосуды. Я отдернула руки, но изображение сохранилось.

— Это же настоящий медицинский сканер, — выдохнула я.

— Я не знаю этого слова, — ответил Эллиар. — Но камень показывает устройство тела, состояние крови, магические повреждения и способность к зачатию.

Лекарь расспрашивал о питании, сне и старых травмах. Нашёл повреждённую в подростковом возрасте лодыжку, перенапряжение мышц и нехватку некоторых веществ в крови.

— Когда ты в последний раз отдыхала несколько дней подряд?

— Между увольнением из кафе и трудоустройством в бурлеск. Три года назад.

— Почему ты не прекращала работу, чувствуя усталость?

— Аренда квартиры сама себя не оплатит, знаете ли. В театре отпуск дают, когда удобно театру, а бурлеск кормит лучше высокого искусства.

— Твоя семья не обеспечивала тебя пищей и жилищем?

— Мне двадцать три, меня уже поздно обеспечивать. Да и некому.

Эллиар хотел спросить ещё что-то, но я отвернулась. Родителей давно не было в моей жизни, бабушка умерла четыре года назад, а обсуждать это здесь я не собиралась.

Братья слушали слишком внимательно.

— Опасных заболеваний нет, — наконец объявил Эллиар. — Человеческая женщина истощена постоянной нагрузкой, хотя её тело пока справляется. Ей необходимы горячая пища, сон и несколько дней покоя. До восстановления близость и попытки зачатия нежелательны.

Чума не сработала, но минимум три свободных дня я всё-таки получила.

Зирраэль выглядел недовольным, однако спорить с лекарем не стал.

— Подготовьте для неё пищу и всё необходимое.

— Также потребуется повторная проверка совместимости, — сказал Эллиар. — Первый результат кажется мне необычным.

Он снова положил ладонь на кристалл. Прозрачное изображение моего тела исчезло. Внутри вспыхнул тонкий красноватый луч и потянулся к Зирраэлю.

Почти сразу рядом появился второй. Такой же яркий луч соединил кристалл с Файриин-ном.

Эллиар резко выпрямился. Файриин перестал разглядывать собственную пострадавшую причёску, а Зирраэль впервые за всё время выглядел по-настоящему удивлённым.

— Что это значит? — спросила я.

Лекарь перевёл взгляд с одного брата на другого.

— Человеческая женщина совместима с вами обоими. Я прежде не видел ничего подобного.

Книга участвует в мобе "Эльфийский плен"

<https://litnet.com/shrt/L8Wo>

3

Я вытерла руки о занавес, хотя магия не оставила следов.

— Думаю, ваш прибор сломался, — сказала я. — Слишком долго лежал без дела, соскучился по вниманию и теперь показывает всё сразу.

Эллиар коснулся граней и снова вызвал лучи. Один неизменно находил Зирраэля, второй — Файриина.

— Камень исправен. Я должен изучить этот... необычный результат.

— Изучайте сколько хотите, только без меня. Вы сами сказали, что мне нужны еда, сон и отдых. Я ко все этому ещё добавлю ванну. Очень горячую, с мылом, в одиночестве и закрывающейся дверью.

После слов лекаря Зирраэль уже не смотрел так, будто собирался немедленно уложить меня на кровать. Этим следовало пользоваться.

— Сначала поешь.

— Сначала я хочу помыться. Я с утра была в театре, стояла под софитами, носила плотный грим, а потом вы протащили меня через портал. Думаю, ваш род выдержит ещё полчаса без попыток заделать наследников.

Файриин провёл пальцами по склеенной пряди у виска.

— Вода действительно нужна.

— Тебе особенно. Ещё немного, и волосы придётся отрезать.

Он посмотрел на меня как на личного врага. Эллиар убрал кристалл и ещё раз запретил братьям любые попытки зачатия в ближайшие дни. За несколько минут пожилой лекарь стал самым приятным мужчиной во всей Великой горе.

Зирраэль велел принести одежду, полотенца и еду, после чего повёл нас в купальню. Завернувшись в занавес, я запоминала дорогу: галерея, лестница, два зала и влажный коридор. Дверь спальни открывалась от руки Зирраэля, а возле лестницы не было стражи.

Чем дальше мы шли, тем теплее становился воздух. Голубые прожилки в камне светились ярче, к запаху воды примешивалось что-то травяное. Коридор закончился высокой аркой.

Я остановилась.

Купальня занимала целую пещеру. Над огромным подземным озером поднимался пар, мелкие кристаллы на дне светились голубым. По стенам тянулись серебряные жилы, с уступа падал водопад, а к воде вели широкие ступени.

У нас за посещение такого места брали бы половину моей зарплаты, выдавали халат с названием комплекса и просили не фотографировать других гостей.

— Вполне... приемлемо, — сказала я, стараясь не вертеть головой слишком восторженно. — Где полотенце, мыло и чистая одежда?

— Сейчас принесут, — ответил Зирраэль.

— А дверь?

Он указал на тяжёлую створку за нашей спиной.

— Она закроется.

— Изнутри.

— Она закрывается с обеих сторон.

— Я имела в виду, что вы выйдете, я запрусь и спокойно помоюсь одна.

— Нет, даже не думай.

Я посмотрела на него снизу вверх. Без каблуков мой грозный взгляд упирался куда-то в его грудь.

— Ты обещал выполнить назначение лекаря.

— Я обещал пищу, покой и возможность вымыться. Закрытая дверь в этот список не входила. В купальне есть другие проходы, а ты уже пыталась убежать.

— Это была естественная реакция на похищение! Было бы странно, если бы я не попыталась убежать.

— Я не осуждаю. И потому останусь здесь.

Файриин прислонился плечом к стене и добавил:

— Я тоже. Вдруг твоя человеческая болезнь проявляется только в воде? Нельзя оставлять тебя без наблюдения.

— Какая забота. Жаль, что она проснулась уже после похищения.

Служанки принесли полотенца, сосуды с мылом и чистую одежду в купальню. Они поклонились братьям и начали украдкой рассматривать мои чулки и занавес. Кажется, рассказы обо мне разойдутся по дворцу ещё до ужина.

У дальней стены стояла резная ширма. Я забрала вещи и ушла за неё, прежде чем Зирраэль успел объяснить, что служанки могут помочь мне раздеться.

— Я справлюсь. В театре это вообще обязательный навык.

За ширмой обнаружилась скамья и арка, прикрытая тканью. За ней уходил в темноту узкий проход, откуда тянуло прохладой. Возможно, он вёл к другим помещениям.

Я тут же вернула ткань на место.

На столике лежали серебряные шпильки. Одну я спрятала в волосы. Замки вскрывать не умела, но видела, как это делали в кино.

Я сняла костюм и завернулась в полотенце. Переодеваться за ширмой было привычно: в театре между тобой и десятком людей иногда висит только платье на плечиках. Но там никто не собирался сделать меня матерью наследника. От этой разницы пальцы дрожали.

Я собрала одежду, проверила шпильку и вышла.

Братья ждали возле воды. Зирраэль успел снять оружие и верхнюю часть доспехов. Файриин расстегнул куртку и пытался распутать волосы, недовольно поглядывая на отражение в воде.

— Почему вы раздеваетесь?

— Потому что тоже будем мыться, — ответил Файриин.

— Нет! Давайте-ка потом. Отдельно от меня, и желательно на другом конце горы.

— Это родовая купальня. Мы всегда пользуемся ею вместе.

— Я, на секундочку, не принадлежу вашему роду.

Зирраэль снял рубашку, и я забыла все доводы, которыми планировала защищаться. Без одежды он выглядел ещё крупнее: широкие плечи, крепкая грудь, шрамы на боку и возле ключицы. Файриин был стройнее, двигался легче и прекрасно понимал, куда я смотрю.

— Продолжай-продолжай, не останавливайся, — предложил он. — Ты объясняла, почему мы должны уйти.

— Уже забыла. Отвернитесь хотя бы.

— Зачем?

— Потому что люди не скачут голышом перед едва знакомыми мужчинами.

Файриин кивнул на вещи, оставленные мной возле ширмы.

— В том костюме, в котором мы тебя нашли, ткани было меньше, чем в этом полотенце.

— На сцене между мной и зрителями есть расстояние и правила. Никому не разрешается похищать меня, а потом лезть вместе купаться.

— Но они смотрят на твоё тело.

— Потому что я разрешаю им смотреть. Вот в этом и разница.

Файриин задумался над ответом серьёзнее, чем я ожидала. Зирраэль ничего не сказал, но первым отвернулся к воде. Младший брат последовал его примеру, хотя в отражении озера всё равно продолжал наблюдать.

Я сбросила полотенце и быстро юркнула в горячую воду. Погрузилась по плечи, смыла косметику и закрыла глаза. Болели плечи, поясница и старая травма лодыжки.

За спиной послышался плеск. Братья вошли в озеро с двух сторон.

— Вы могли оставить на себе хоть что-нибудь, — пробормотала я, старательно глядя на серебряную жилу в стене.

— Зачем входить в воду в одежде? — удивлённо спросил Зирраэль.

— Чтобы я не умерла от смущения!

— Лекарь не упоминал, что это смертельно.

— Ещё один неизвестный вам человеческий недуг.

Файриин рассмеялся и первым подплыл ближе. Он протянул мне сосуд с густым мылом, пахнущим травами.

— Покажи, как убрать с волос твоё оружие.

Я велела ему наклонить голову и стала вымывать лак из длинных снежно-белых прядей. Он стоял слишком близко, положив ладони на камень по обе стороны от меня, и смотрел снизу вверх.

— Не двигайся, — сказала я. — И перестань так смотреть.

— А как я смотрю?

— Будто я часть твоего ужина.

— Я не пробовал людей. Поэтому даже не знаю, понравится ли мне вкус.

— У меня много лака в волосах и гастрит. Подавишься.

Зирраэль взял второй сосуд и встал за спиной. Его пальцы коснулись моих волос. Я напряглась, но он только начал вымывать остатки укладки. Двигался он осторожно, распутывал пряди без рывков и не пытался пользоваться моментом. Постепенно я расслабилась. Горячая вода, сильные руки и усталость сделали своё дело.

— У людей принято платить мужчине за мытьё головы? — спросил Файриин.

— Иногда. Только обычно он не собирается после этого сделать клиентке ребёнка.

— Ты постоянно возвращаешься к этой теме.

— Удивительно, правда? Меня похитили именно ради этого.

Файриин задумался, затем спросил о бурлеске. Я объяснила, что это представление с танцем, красивыми костюмами и постепенным раздеванием, а не приглашение зрителей продолжить знакомство после сцены.

— Они отдают деньги, чтобы смотреть, как ты снимаешь одежду, а потом уходят без тебя? — удивлённо переспросил он.

— Именно! Трогать нельзя, только смотреть.

— Людские мужчины очень терпеливы.

— У них нет выбора. Охрана клуба крупнее и сильнее большинства из них.

Пока Файриин спорил о размерах человеческих охранников, я медленно продвигалась вдоль края озера. Зирраэль заметил, что я прихрамываю, и поймал меня за ногу под водой.

— Что ты делаешь?

— Проверяю повреждение, которое нашёл лекарь.

Его ладонь обхватила лодыжку, большой палец осторожно прошёл по старому шраму. Прикосновение было тёплым и неожиданно бережным. Я дёрнула ногой, но Зирраэль не отпустил.

— Она болит.

— После долгих репетиций, иногда. Я привыкла.

Он поднял глаза. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, затем его пальцы разжались. Я воспользовалась этим и отплыла к дальнему краю.

Продолжая рассказывать о сцене, я добралась до уступа, завернулась в полотенце и проскользнула за ширму.

Узкий проход был на месте. Я достала шпильку и пошла вперёд. Через несколько шагов обнаружилась металлическая дверь. Замочной скважины не было, только тонкая щель возле ручки. Я вставила туда шпильку и попыталась нащупать механизм.

Она почти поддалась.

По краям прохода вспыхнули синие линии. Передо мной возникла прозрачная решётка. Я успела отдернуть руку, иначе магия ударила бы по пальцам.

— Для первого побега ты выбрала неплохой путь, — тихо произнёс Файриин за моей спиной. — Слуги действительно выходят отсюда в нижнюю галерею.

Я обернулась. Он стоял совсем рядом, успев обернуть бёдра полотенцем. Серебряные волосы мокрыми прядями лежали на груди.

— Я просто решила внимательнее осмотреть помещение.

— Со шпилькой?

Файриин поймал мою руку, разжал пальцы и забрал шпильку. Зирраэля он не позвал.

— Верни.

— Попроси красиво.

— Верни, пожалуйста, моё единственное оружие против двух огромных наглых мужиков.

— Недостаточно красиво.

Он спрятал шпильку в своих волосах и отвёл в сторону ткань, пропуская меня обратно. В его глазах не было злости. Кажется, моя попытка его скорее позабавила.

Я вернулась к воде. Зирраэль стоял возле ступеней, скрестив руки на груди. Судя по выражению лица, он обо всём догадался, но ждал объяснения брата. Файриин лишь покачал головой, и старший не стал задавать вопросов.

Они соблюдали запрет лекаря, слушали и позволяли спорить. Но выхода без их согласия всё равно не существовало.

Я села на каменный край бассейна, опустив ноги в воду.

— Надеюсь, теперь вы убедились, что человеческие женщины моются так же, как дроу, и можно оставить меня одну.

— Я убедился в обратном, — сказал Файриин.

Он приблизился, положил ладони мне на талию и одним движением поднял. Я оказалась на широком каменном уступе, а Файриин встал между моих коленей. Отступать было некуда. За спиной находилась стена, впереди — мокрое сильное тело и красные глаза, в которых больше не осталось насмешки.

— Я уже понял, что человеческий рот умеет говорить без остановки, — тихо произнёс он. — Теперь хочу узнать, для чего ещё он нужен.

И поцеловал меня прежде, чем я успела придумать новую болезнь.

Дорогие читатели!

Предлагаю заглянуть в книги литмоба “Эльфийский плен”

https://litnet.com/shrt/t8_o

Эльфы украли ч
Но теперь не мо

КНИГИ МОБА:

Ирион Зет “Пленница двух эльфов”

<https://litnet.com/shrt/24Ma>

Эдона Даас “Пленница дивных”

https://litnet.com/shrt/_4JC

Тая Вальд “Пленница подземелий”

<https://litnet.com/shrt/jxMD>

Эла Завейская “Мастер теней и его пленница”

<https://litnet.com/shrt/ui7U>

Надежда Паршуткина “Слабость сильнейших”

<https://litnet.com/shrt/hX4V>

Ясмينا Сапфир “Синие топи. Пленники страсти”

https://litnet.com/shrt/mk5_

Элин Ре “Вторая жена эльфийского принца”

<https://litnet.com/shrt/OZ3f>

Екатерина Самойленко “Их пленница”

<https://litnet.com/shrt/JGMP>

Сирения “Истинная принца и полукровки”

<https://litnet.com/shrt/ypj5>

Ева Романовская “Сокровище эльфийских принцев”

<https://litnet.com/shrt/vs4i>

Кира Эро “Ты попал мой король”

<https://litnet.com/shrt/Yj5O>

Адриан Санти “Эльфийский яд любви”

<https://litnet.com/shrt/3ukD>

Дива “Клетка без прутьев”

<https://litnet.com/shrt/W100>

Даника Дива “Их страсть мой ошейник”

<https://litnet.com/shrt/79b8>

Сотскова Татьяна “Подарок с характером для эльфийского короля”

<https://litnet.com/shrt/iv8k>

София Устинова “Сломанная корона. Мои жестокие эльфы”

<https://litnet.com/shrt/6RhU>

Приятного чтения!

4

Зирразль

Файриин поцеловал её.

Лада собиралась ответить чем-то колким, отшутиться, но брат не оставил ей времени. Встал между её коленей, удержал за талию и накрыл её, надо признать очень привлекательные, розовые губки, своими.

Она замерла.

Пальцы Лады сжались. Она упёрлась ладонями Файриину в плечи, и я ожидал, что она оттолкнёт его. Однако её руки поднялись выше и задержались на шее брата.

Файриин притянул её ближе. Лада шумно вдохнула, но не отвернулась. Ответила неуверенно, затем провела пальцами по его волосам и прижалась сильнее.

Мне это не понравилось.

Ощущение было настолько резким, что я не сразу понял что это ревность. У дроу женщины сами выбирали любовников, а Файриина я никогда не считал соперником. Он должен был помочь удержать переход. Отцом ребёнка предстояло стать мне.

Теперь я смотрел, как его пальцы скользят по спине Лады, и хотел оторвать брата от неё. Я так и сделал.

Я схватил Файриина за плечо и потянул назад. Он обернулся ко мне уже без улыбки.

— Что ты делаешь?

— Выполняю распоряжение лекаря. Ей необходим покой.

— Я её только поцеловал.

— Этого достаточно.

Лада тяжело дышала. Полотенце сбилося на плече, мокрые волосы прилипли к щекам, губы покраснели. Она явно ещё не решила, кого ударить первым.

— Значит, вот как всё будет? — спросила она. — Младший начал, старший остановил, потому что его очередь подошла?

— Я не говорил об очереди.

— Вы вообще мало говорите о том, что собираетесь делать со мной. Обычно просто сообщаете уже принятое решение. Один хватает, второй командует. Очень удобная семейная система.

Файриин открыл рот, но она выставила ладонь.

— Нет, теперь слушаете вы. Я понимаю, зачем меня сюда привезли. Понимаю, что уйти не могу. Ещё я прекрасно понимаю, что вы оба сильнее меня и при желании способны сделать всё, что захотите. Но выбирать, кто и когда будет меня касаться, стану я. Не твоя мать, не лекарь, не старший брат и не тот странный камень, который решил, что я подхожу сразу двоим.

Говорила она уверенно, но пальцы дрожали. Лада спрятала руки в полотенце. Я замечал эту дрожь и раньше. Она шутила, спорила и изображала болезни, потому что не желала показывать страх.

Мне следовало напомнить, что воля Первого дома выше желания пленницы. Именно это сказала бы мать. Но я представил Ладу неподвижной, терпящей прикосновения и ждущей, когда всё закончится. Желание хоть и не исчезло, но оно стало неприятным.

Я хотел, чтобы она сама тянулась ко мне, как недавно к Файриину. Это уже не имело отношения к приказу матери.

— Я услышал тебя, — сказал я.

Лада недоверчиво прищурилась.

— И всё?

— Ты сказала, что будешь выбирать сама. Я услышал.

— Зирраэль, — начал Файриин.

— Лекарь велел ей отдыхать. Мы выходим.

Брат понял, что спорить я не стану, подобрал одежду и ушёл за ширму. Я задержался возле воды.

— Служанки останутся за дверью. Они помогут тебе одеться и проводят обратно.

— А если я снова попытаюсь сбежать?

— Магическая решётка не исчезла. Других выходов отсюда нет.

— Мог бы хотя бы для приличия сделать вид, что веришь в моё благоразумие.

— За несколько часов ты распылила яд, солгала о болезнях и дважды пыталась бежать.

У меня нет причин считать тебя благоразумной.

— Справедливо. Но это был не яд.

— Файриин теперь называет его оружием против достоинства.

Она улыбнулась. Я вышел, пока не забыл, зачем решил дать ей время.

Файриин ждал в коридоре уже одетый и сразу преградил мне дорогу.

— Ты оттащил меня не из-за лекаря.

— Она истощена. Любые попытки зачатия сейчас запрещены.

— Поцелуй не приводит к ребёнку даже у людей.

— Ты напугал её.

— Сначала напугал. Потом она ответила.

Я видел. Именно поэтому и остановил.

Файриин усмехнулся.

— Да ты ревнуешь!

— Не говори глупостей.

— Я знаю тебя всю жизнь. Когда ты исполняешь приказ, у тебя другое лицо. Сейчас ты хотел разбить мне голову.

— Если продолжишь, это желание вернётся.

— Вот теперь я окончательно уверен, что ты ревнуешь её ко мне.

Он отошёл, улыбаясь. Признавать ревность я не собирался даже перед собой.

В покои Лады принесли еду. Я велел освободить соседнюю гардеробную и поставить там кровать. Мать не одобрила бы такую заботу о пленнице, но пока она ничего не знала о результате осмотра.

Элиар уже передал записи. Лада была здорова, но постоянный недосып и нагрузка истощали её. Повреждённая нога тоже требовала лечения.

Слова «да и некому» запомнились особенно хорошо.

Лада появилась позже с распущенными каштановыми волосами. На ней было тёмно-синее домашнее платье, слишком длинное в рукавах и широкое в талии. Его явно выбирали без учёта её роста.

Она держала подол обеими руками и смотрела на накрытый стол.

— Если это тоже часть проверки, предупреждаю: после ужина человеческие женщины становятся ещё опаснее.

— Ешь.

— Не умеешь ты приглашать. Нужно сказать: «Лада, прошу, попробуй приготовленный для тебя ужин. Мы не добавляли снотворное, приворотное зелье и средство для ускоренного зачатия».

— Не переживай, мы действительно не добавляли ничего из перечисленного.

Она осторожно попробовала мясо, овощи и хлеб, затем перестала притворяться, что не голодна. Файриин не вернулся.

После ужина я указал на соседнюю дверь.

— Там готовят отдельное место для сна. Сегодня ты можешь запереть дверь изнутри.

Она медленно отложила салфетку.

— А завтра?

— Чо будет завтра, завтра мы и обсудим.

— Нет. Сегодня. Пока ты решил изображать разумного похитителя.

Лада указала мне на кресло. В чужих покоях она распоряжалась так уверенно, что я едва не напомнил, кому принадлежит дом. Потом всё же сел.

Лада осталась напротив. На этот раз она не улыбалась.

— Я не могу заставить вас вернуть меня домой. Портал закрыт, магия мне неизвестна. Но если хотите находиться рядом без постоянного желания разбить вам головы, у нас будут условия.

— Говори.

— Никаких цепей, верёвок, магических ошейников и всего, чем привязывают пленниц.

— Мы не собирались тебя связывать.

— Уже радует. Второе: никаких прикосновений при свидетелях. Я не стану развлекать слуг, лекарей или твою мать.

— Слуги при близости не требуются, мать тоже. Насчет лекаря... по обстоятельствам.

— Спасибо за уточнение. Я обязательно запишу его в путеводитель по Великой горе. Третье и главное: если я говорю «остановись», ты останавливаешься. Сразу. Без объяснений, уговоров и напоминаний о наследнике.

— Согласен.

— Так просто?

— Ты имеешь право остановить то, чего не хочешь.

— Неожиданно разумно. Ещё я хочу знать о зачатии. Сколько длится беременность, можете ли вы ускорить её магией и отберут ли у меня ребёнка.

Последний вопрос она произнесла тише.

— Беременность длится около десяти лунных циклов. У человека срок может измениться. Ускоряющую магию не применяют, она опасна. Наследник принадлежит Первому дому, но младенцев не отлучают от матери без причины.

— «Принадлежит дому» звучит как то не очень приятно.

— Так устроены наши законы.

— Этот вопрос остаётся. Я не буду рожать ребёнка, которого у меня заберут.

— Я не могу сейчас изменить законы Великой горы.

— Но можешь не лгать, когда речь идёт о моём теле или ребёнке.

— Согласен.

— Отдельное место для сна остаётся у меня. Я сама позову одного из вас или обоих. Без приглашения вы не входите.

— Если возникнет опасность, я войду.

— При пожаре или обвале входи. Если стало одиноко, ну тут уж справляйся как-нибудь сам.

— Мне не бывает одиноко.

— Последнее, — продолжила Лада. — Вы ищете способ открыть безопасный путь в мой мир. Не через несколько лет, когда ребёнок вырастет и я забуду, как выглядит солнце. Сейчас. Если портал можно восстановить раньше, я должна об этом знать.

— Я прикажу магу начать расчёты. Но не обещаю отпустить тебя, пока действует приказ матери.

— То есть ты выполнишь всё, кроме самого важного.

— Я не стану давать обещание, которое пока не могу сдержать.

Она прошла по комнате, наступила на длинный подол и выругалась. Ответ ей не понравился, но лгать ради её спокойствия я не собирался.

— Честное «не могу» лучше обещания, после которого дверь останется закрытой. Пусть маг ищет способ.

— Это все условия?

Лада посмотрела на меня внимательнее.

— Почти. Осталось понять, действительно ли ты способен остановиться.

— Каким образом?

Она подошла и встала между моих коленей. От волос пахло травами из купальни, и желание снова стало почти болезненным.

— Если я вообще решусь выбрать кого-то первым, это будешь ты, — произнесла она.

Я положил ладони на подлокотники, чтобы не коснуться её раньше времени.

— Почему?

— Файриин мне нравится. Он выглядит так, будто женщина снимет платье раньше, чем поймёт, что согласилась. Но ты предсказуемый. Если согласен, можно проверить, сдержишь ли слово.

Мне не понравилось начало её объяснения. Окончание понравилось больше.

— Ты выбираешь меня ради проверки?

— Не только.

Лада прикусила припухшую губу.

— Хорошо, скажу честно. Вы оба выглядите как мечта женщины, которая слишком много читала фэнтези перед сном. Высокие, сильные, серебряные волосы, красивые лица, тела вообще лучше не обсуждать. Даже острые уши вам идут. Я понимаю, что вы похитители, живёте под горой и планируете использовать меня для продолжения рода. Это должно отрезвлять. Только почему-то не помогает. Рядом с вами у меня ноги трясутся, а мурашки скоро соберутся толпой и затопчут меня насмерть. Меня влечёт к вам обоим. Сильно. Но это не означает, что я готова вот так сразу заняться с вами сексом.

Она произнесла всё одним дыханием, покраснела и вызывающе подняла подбородок.

— Я понял.

— И снова ничего не скажешь?

— Если начну обсуждать наши тела, тебе станет неловко.

— Мне вообще-то уже неловко.

— Тогда не вижу причин ухудшать твоё положение.

Лада рассмеялась. Тихо, с облегчением. Потом положила ладони мне на плечи.

— Поцелуй меня. И посмотрим, насколько хорошо ты понимаешь слово «хватит».

Я поднялся, обхватил её лицо ладонью и подождал. Лада коснулась моего запястья и сама подалась вперёд.

Я поцеловал её.

Сначала осторожно. Лада ответила сразу, обвила руками мою шею и прижалась всем телом. Дрожь она действительно не могла скрыть.

Я притянул её ближе. Ладонь легла на талию, скользнула по спине. Лада шумно вдохнула мне в рот, пальцы зарылись в волосы. Когда она коснулась кончика моего уха, по телу прошла резкая волна. Пришлось сдерживать стон.

— Значит, уши всё-таки чувствительные, — прошептала она.

— Ты уже проверяла это в своём мире.

— Тогда я думала, что они приклеены.

— А сейчас?

— Сейчас хочу проверить ещё раз.

Она провела пальцами по краю уха. Я поцеловал её крепче, подхватил за талию и посадил на край стола. Длинное платье поднялось до колен. Лада развела ноги, позволяя мне встать ближе, и тут же покраснела ещё сильнее.

Я целовал её шею, касался плеч, медленно провёл ладонью по бедру. Её дыхание стало частым, голова откинулась назад. Она больше не шутила. Только держалась за мои плечи и иногда произносила моё имя так тихо, что я едва слышал.

Желание требовало продолжить. Распустить завязки платья, коснуться кожи под тканью, уложить Ладу на кровать и заставить забыть обо всех условиях. Я нашёл шнуровку на её боку и потянул за первый узел.

Лада сразу накрыла мою руку.

— Остановись.

Я отпустил завязку и отступил.

Она осталась сидеть на столе, тяжело дыша. Несколько мгновений смотрела на меня, словно ожидала, что я снова приближусь. Я не двинулся.

— Совсем? — спросил я.

— Да. То есть... поцеловать ещё хочется. Очень хочется. Но если продолжим, я уже не сумею нормально думать. А к большому сегодня не готова.

— Тогда большего не будет.

— И ты не станешь напоминать, зачем меня привезли?

— Нет.

Напряжение постепенно ушло из её плеч. Лада поправила платье и спустилась со стола. Ноги у неё действительно дрожали. Она сделала шаг, зацепилась за длинный подол и едва не упала. Я поймал её за локоть.

Она разрешила проводить себя до кровати, забралась под покрывало и потребовала принести оставшийся хлеб. Я подал тарелку. Лада отломил кусочек, съела, затем ещё один. Через несколько минут её глаза начали закрываться.

— Ты можешь идти, — пробормотала она. — Проверку прошёл. Предварительно.

— Дождусь, пока ты уснёшь.

— Боишься, что я сбегу через стену?

— Боюсь, что ты подавишься хлебом.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты очень заботливый похититель.

Она хотела сказать что-то ещё, но зевнула. Тарелка наклонилась. Я забрал её из ослабевших пальцев, укрыл Ладу и сел рядом. Она уснула почти сразу, повернувшись на бок и подложив ладонь под щеку.

Во сне исчезла её настороженность. Я вспомнил, как легко мог заставить её подчиниться, и впервые почувствовал стыд за саму мысль.

Лада пошевелилась. Рука выскользнула из-под покрывала, широкий рукав поднялся до локтя.

На внутренней стороне запястья проступила тонкая серебряная линия.

Сначала я решил, что это отражение кристаллов. Провёл пальцем над узором, не касаясь кожи. Линия вспыхнула ярче, а внутри меня разлилась горячая волна.

Я видел такой узор только однажды — в старой книге Первого дома. Метка истинной спутницы. Последнее её появление было записано несколько столетий назад.

Но знак не должен был тянуться к двум мужчинам.

Дверь открылась. Файриин вошёл без стука, прижимая ладонь к собственной груди.

— Я почувствовал...

Он увидел серебряную линию на запястье Лады и подошёл к кровати. Я собирался остановить его, но метка уже отозвалась на приближение брата. Файриин коснулся узора кончиками пальцев.

Серебряное сияние разделилось. Одна часть потянулась ко мне, вторая вспыхнула тёмно-красным под рукой Файриина.

Он поднял на меня глаза. Впервые в голосе брата не осталось ни насмешки, ни уверенности:

— Она действительно связана с нами обоими.

5

Лада

— Этого не может быть.

— Метка на её руке с тобой не согласна.

— Метки истинных не делятся на две части.

— Тогда объясни, почему я чувствую её так же ясно как себя.

Я открыла глаза.

Над кроватью стояли двое и спорили так сосредоточенно, словно меня между ними вообще не было. Зирраэль хмурился, сложив руки на груди. Файриин сидел на краю постели и держал меня за запястье. За ночь на моём запястье появилась двойная метка: одна ветвь оставалась светлой, вторая отливала тёмно-красным.

Я выдернула руку.

— Доброе утро. Очень приятно проснуться и обнаружить, что тебя разбирают на части ещё до завтрака.

Файриин отпустил меня.

— Ты давно не спишь?

— Достаточно, чтобы узнать: что ты чувствуешь меня как себя.

Я села и натянула покрывало до подбородка. Впервые за последние месяцы тело не напоминало мешок, который всю ночь таскали по лестнице.

Зирраэль протянул мне воду.

— Что это? — Я показала запястье. — Ответ «мы не знаем, но ты всё равно должна родить» меня не устроит.

— Древняя метка совместимости. Она появляется между истинными спутниками. Последний подобный знак в нашем доме видели несколько столетий назад.

— А истинная спутница — это женщина, которую можно похитить без предварительного знакомства?

— Похищение к метке отношения не имеет.

Зирраэль объяснил, что обычная метка связывает двоих. Моя отвечала обоим братьям, и объяснения этому не было.

Файриин снова потянулся к моей руке, но я спрятала её под покрывало. Его волосы были собраны кое-как, на виске осталась тонкая прядь, которую вчера не до конца спасли от лака.

Я вспомнила купальню, его тело между моих ног и поцелуй, прерванный Зирраэлем. Потом то, что произошло со старшим уже в этих покоях.

Щёки предательски нагрелись, а мысли ушли совсем в другое направление.

Файриин медленно вдохнул.

— О чём ты подумала?

— О человеческой привычке выбрасывать мужчин из спальни, пока женщина не умоется.

— Ты пахнешь иначе.

— А ты с утра ещё наглее. Значит, нам всем пора привести себя в порядок.

В дверь постучали. Вошёл дроу в длинной мантии, с тонкими косами и кольцами. Он поклонился братьям.

— В магическом крыле произошло изменение. Зеркало призыва отозвалось.

Сон исчез окончательно. Я отбросила покрывало и соскочила с постели.

— Оно открылось? Там мой мир?

Маг посмотрел на Зирраэля.

— Смотрите на меня. Мир мой, похитили меня, значит, и объяснять будете мне.

— Поверхность зеркала изменилась на несколько мгновений, — осторожно произнёс он. — Я увидел свет и предметы, которых нет в Великой горе. Вероятно, появление метки восстановило часть перехода.

— Прекрасно. Ведите меня туда.

Я направилась к двери, на ходу накинув оставленный на кресле халат.

Зирраэль перегородил дорогу.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Вчера ты обещал искать путь домой.

— Маг его и ищет. Мы не знаем, что вызвало отклик и как переход повлияет на метку.

Крыло будет запечатано, пока расчёты не закончатся.

— Расчёты можно делать при мне. Я умею тихо сидеть. Иногда.

— Нет.

Вчера этот спокойный голос действовал почти успокаивающе. Сейчас захотелось проверить, насколько хорошо летает во-он тот кубок.

— Когда путь станет достаточно безопасным?

— Когда маг закончит изучение.

— А кто решит, что он закончил и мне уже можно посмотреть на собственную дорогу домой?

Зирраэль даже не задумался.

— Я.

Одно слово встало между нами надёжнее каменной стены.

— Ясно, — сказала я.

Файриин прищурился. Я слишком быстро перестала спорить.

— Великий старший дроу всё решил, — продолжила я. — Пойду умоюсь и постараюсь не испортить вам наследственность переживаниями.

Я вернулась к кровати. Прыгать в неизвестное зеркало я не собиралась. Мне требовалось убедиться, что оно существует и показывает Землю. Если братья собирались держать дорогу закрытой до моей беременности, лучше узнать заранее.

После завтрака мне дали чистое платье, и братья объявили, что покажут город.

— Решили отвлечь красивыми видами?

— Ты хотела знать, где находишься, — ответил Зирраэль.

— А магическое крыло по дороге случайно не встретится?

— Нет.

— Какая предусмотрительная гора.

Любой побег начинался с понимания, куда бежать.

Город начинался за галереями Первого дома. Мы вышли на широкий мост над пропастью, и я невольно ухватила за руку Файриина. Дна не было видно. Внизу мерцали голубые и зелёные огни, по стенам поднимались башни, лестницы и переходы. Вместо неба висели каменные своды с россыпью светящихся кристаллов.

Файриин посмотрел на мои пальцы.

— Если хотела коснуться меня, могла попросить.

— Я выбираю, за кого хвататься во время угрозы немедленной смерти.

— Мост стоит здесь больше тысячи лет.

— Значит, он очень старый и давно нуждается в ремонте.

До другой стороны я его не отпустила. Зирраэль делал вид, что ничего не замечает, хотя на его челюсти обозначилась напряжённая линия.

За мостом шумел рынок. На прилавках лежали светящиеся грибы, бледные фрукты, ткани и украшения. Между рядами текли каналы с горячей водой. Дроу расступались перед братьями и рассматривали меня.

Дальше находились грибные сады, купальни и залы удовольствий. Из одной арки вышла женщина-друю, поцеловала спутника, передала его другой женщине, а сама взяла под руку третьего.

— У вас отношения по очереди передают?

— Они были вместе несколько недель, — ответил Файриин. — Наверное, наскучили друг другу.

Зирраэль объяснил, что постоянные союзы раньше заключали ради детей. Теперь любовники оставались вместе, пока им было приятно, после чего расходились.

— Рай для тех, кто боится серьёзных отношений.

— Ты осуждаешь? — спросил Файриин.

— Я работала в театре. После третьего служебного романа перестаёшь осуждать и начинаешь подписывать еду в общем холодильнике.

Тогда я поняла, что беспокоило меня с начала прогулки. Повсюду были взрослые, но ни одного ребёнка. На рынке не продавали игрушек, возле домов не лежала маленькая обувь.

— У вас совсем нет детей?

— Очень и очень мало, — ответил Зирраэль.

Обратно он повёл нас другой дорогой. За одной из арок тянулась длинная галерея. На стенах были изображены семейные праздники: темнокожие дети сидели на руках у женщин, играли возле пруда, держались за ладони мужчин. Под фресками стояли низкие скамьи и деревянные звери, покрытые пылью.

Я подняла игрушку с отломанным ухом.

— Последний ребёнок жил здесь больше двухсот лет назад, — сказал Файриин.

Стало не до шуток. Мать братьев приказала похитить незнакомку ради беременности, но пустая галерея объясняла её отчаяние. Если сотни лет смотреть на комнаты, в которых никто не смеётся, можно начать считать любой способ спасения дома допустимым.

Понимание не означало прощения. Я могла пожалеть её и всё равно не хотеть превращаться в единственную действующую программу повышения рождаемости.

Зирраэля позвала стражница. Мать требовала его к себе. Он велел Файриину отвести меня в покои, дважды повторил, чтобы мы не приближались к магическому крылу, и ушёл.

— Он всегда повторяет очевидное? — спросила я.

— Только когда думает, что я обязательно сделаю наоборот.

— И часто он прав?

— Почти всегда.

Вместо покоев Файриин привёл меня в музыкальный зал.

Помещение напоминало маленький театр: каменные ряды, освещённая золотистыми кристаллами площадка и странные серебряные инструменты у стены.

Я вышла на площадку. Здесь сразу захотелось проверить свет и понять, с какой точки лучше видно лицо. Сцена в любом мире оставалась сценой.

— Ты изменилась, — заметил Файриин.

— Просто освещение хорошее.

Я рассказала, как публика затихает перед первым выходом и как за кулисами одновременно теряются булавки, туфли и здравый смысл.

— Ты можешь выступить здесь, — предложил он. — Зал давно пустует.

— Ещё чего. Сначала похитили артистку, теперь решили сэкономить на развлечениях?

— Я заплачу.

— Чем? Светящимися грибами?

— Драгоценностями. Одеждой. Всем, что попросишь.

Я хотела ответить, что свобода стоит дороже, и заметила камень у него на груди.

Кристалл висел на серебряной цепочке и мерцал тем же холодным светом, что линии на запечатанных дверях. Утром такой знак был у придворного мага.

Я поднялась на две ступеньки. Теперь наши лица оказались почти на одном уровне.

— Всем, что попрошу?

Файриин улыбнулся.

— Начинай.

Я провела пальцами по его волосам. Они были прохладными и мягкими. Файриин сразу положил ладони мне на талию.

— Мне всё ещё интересно, как вы ухаживаете за такой длиной.

— Вчера ты уже мыла мои волосы.

— Вчера я спасала их от собственного оружия.

Мои руки поднялись к его затылку. Застёжка цепочки находилась под волосами. Маленькая, гладкая, без привычного крючка. Я нащупала выступ и нажала ногтем.

Файриин смотрел слишком внимательно.

Пришлось отвлечь его способом, который ещё утром показался бы совершенно безумным.

Я потянулась к нему за поцелуем.

Он замер всего на мгновение. Потом одна рука легла мне на затылок, вторая прижала к его телу, и мой идеальный план едва не закончился там же. Файриин целовал нагло, глубоко, не оставляя времени вспомнить, зачем я подошла. По спине прошла дрожь. Я вцепилась в его волосы и ответила так же жадно.

Это было очень плохо для побега и слишком хорошо для всего остального.

Застёжка поддалась. Цепочка скользнула по шее Файриина. Я поймала кристалл ладонью и спрятала в широком рукаве.

Файриин оторвался от моих губ, но не отпустил.

— Ради выступления ты стараешься убедительно.

— Это был аванс. Совсем небольшой.

— Тогда боюсь представить полную плату.

Его палец прошёл по моей нижней губе. Я почти потянулась за новым поцелуем, но вовремя вспомнила о тяжести в рукаве.

— Мне нужно привести себя в порядок.

— Я могу помочь.

— Вот поэтому я хочу сделать это сама.

Я выскользнула из его рук и направилась к боковому выходу. У занавеса обернулась.

Файриин остался возле сцены. Его пальцы коснулись шеи именно там, где висела цепочка. Наши взгляды встретились.

Он улыбнулся.

Я решила, что это обычная наглая улыбка мужчины, уверенного в произведённом впечатлении, и скрылась за занавесом.

Коридор вывел к знакомой галерее. Я пошла в ту сторону, откуда утром пришёл маг. Кристалл в рукаве постепенно нагревался, а возле узкой лестницы внутри него загорелась тонкая полоса.

Наверху находилась чёрная дверь без ручки. В центре темнело углубление такой же формы, как ключ.

— Спасибо, Файриин, — прошептала я и вставила кристалл.

По камню разбежались серебряные линии. Дверь отступила в стену.

За ней начинался круглый зал. Здесь не было мебели и светящихся прожилок. Только кольцо голубых кристаллов на полу и огромное чёрное зеркало.

То самое.

Я подошла ближе. В тёмной поверхности отражались моё бледное лицо, растрёпанные волосы и слишком широкие рукава.

— Ну давай. Ты же отзывалось. Отзывайся ещё раз.

Ключ нагрелся. Я приложила его к раме. В зеркале вспыхнула серебряная точка, вытянулась в линию и начала раскрываться.

В лицо ударил знакомый запах пудры, кофе и лака для волос.

За тонкой светящейся преградой появилась моя гримёрка. На столе лежал телефон с мигающим экраном, возле зеркала осталась раскрытая косметичка, а на спинке стула висела половина сценического костюма.

Мой мир находился по другую сторону.

Путь домой существовал.

6

Зирразль

Лада стояла перед зеркалом.

За преградой виднелась комната с лампами и столом. Чёрная пластина на нём мигала, и при каждой вспышке Лада вздрагивала.

Она держала ладонь возле поверхности, но не касалась её.

— Отойди от зеркала.

Лада резко обернулась. Испуг на лице сразу сменился упрямством.

— Я никуда не лезу. Оно всё равно не пропускает.

— Ты не знаешь, что произойдёт при прикосновении.

— Именно поэтому я и не трогаю. Видишь? Даже похищенная актриса иногда способна не хвататься руками за всё подозрительное. Я хотела посмотреть, правда ли там мой мир, а не прыгнуть в неизвестную магию с разбега. У меня там телефон остался, работа, квартира и половина костюма. Я не настолько соскучилась по хозяйке квартиры, чтобы ради неё рисковать жизнью.

Я встал между ней и зеркалом. Серебряный разрез уже сужался. Лада продолжала смотреть через моё плечо, тихая и потерянная, совсем без привычной насмешки.

Потом зеркало погасло.

Лада сжала пальцы. В широком рукаве что-то сверкнуло. Я перехватил её руку и достал кристаллический ключ.

— Где ты его взяла?

— Нашла.

— На шее моего брата?

В дверях появился Файриин. Он не выглядел удивлённым.

— Она не пыталась уйти, — сообщил он.

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдал.

Я повернулся к брату.

— Ты видел, как она украла ключ?

— Конечно.

— И позволил ей войти в запечатанное крыло?

— Я понял, зачем ей понадобился ключ, ещё в музыкальном зале, — спокойно ответил Файриин. — Она слишком часто смотрела на кристалл и слишком старательно делала вид, что интересуется моими волосами. Потом поцеловала меня, сняла цепочку и была совершенно уверена, что совершила величайшую кражу в истории Великой горы. Я решил не портить её триумф.

Лада кашлянула.

Файриин усмехнулся. Его волосы возле затылка были спутаны. Я понял, каким способом Лада снимала цепочку.

— Ты не знал, что зеркало откроется.

— Она всё равно добралась бы сюда. Сегодня украла ключ, завтра полезла бы через термальный канал. Замок лишь заставляет её рисковать сильнее.

— Поэтому ты решил открыть дверь?

— Я решил посмотреть, что ей требуется на самом деле. Если бы она хотела бежать, то попыталась бы войти сразу. Лада увидела свой мир и осталась на этой стороне. Даже рукой не коснулась преграды. Получается, я понял её лучше тебя, хотя ты вчера провёл с ней больше времени.

— Я никуда не собиралась прыгать, — вмешалась она. — Хотела убедиться, что вы не придумали отклик зеркала, чтобы я спокойно ждала, пока у меня вырастет живот.

— Я не лгу тебе.

— Ты не лжёшь прямо. Ты просто не пускаешь, не рассказываешь и собираешься сам определить, когда я достаточно взрослая для правды. Через неделю ты скажешь, что зеркало всё ещё опасно. Через месяц выяснится, что беременной мне переходить нельзя. Потом появится ребёнок, которого нельзя разлучать с отцом, домом или великой бабушкой. И вот я уже сижу здесь до старости, а ты по-прежнему гордо утверждаешь, что ни разу меня не обманул.

Файриин посмотрел на меня с выражением, которое означало: именно это он и пытался объяснить.

— Хватит, — произнёс я. — Ключ.

Лада без спора положила кристалл мне на ладонь.

— Я уже увидела всё, что хотела.

Я вспомнил её лицо перед тем, как исчезла тесная комната. Там находилась её жизнь. Мы вырвали Ладу оттуда и ожидали, что со временем она перестанет смотреть назад.

Я запечатал дверь и повёл Ладу в покои. Файриин пошёл следом.

— Ты пойдёшь к магу, — приказал я брату. — Узнаешь, чем вызван отклик, и больше не теряй ключ.

— Я его не терял. Она заслужила победу.

— Я всё слышу, — напомнила Лада.

— На это я и рассчитывал.

Возле лестницы Файриин свернул к магу. Перед уходом он коснулся шеи Лады. Она вздрогнула, и чуть хихикнула, как от щекотки.

Метка под моей одеждой отозвалась горячей вспышкой.

Я ускорил шаг.

В покоях Лада сразу подошла к столу и налила себе стакан воды. Выпила половину, затем повернулась ко мне.

— Если собираешься читать воспитательную речь, предупреждаю: стоя я её слушать не буду. У меня после ваших мостов ноги гудят.

Она села в кресло, поджала под себя одну ногу и приготовилась спорить. Я остался напротив.

— Ты нарушила запрет.

— Да.

— Украла ключ.

— Технически Файриин позволил его взять.

— Ты об этом не знала.

— Не знала. И всё равно бы сделала это ещё раз.

Мне хотелось потребовать обещание, что она больше не приблизится к зеркалу. Я уже знал, что она его не даст, а при необходимости найдёт новый путь.

— Я сказал, что сам решу, когда ты сможешь увидеть портал.

— Поздравляю с прекрасной памятью.

Она явно готовилась к приказам и не ожидала услышать признание.

— Я обещал сообщать всё, что касается дороги в твой мир. Приближаться к зеркалу без мага по-прежнему опасно, и с этим я не стану спорить. Но мне следовало привести тебя туда самому, показать отклик и объяснить, что мы уже знаем. Я решил, что запрета будет достаточно, потому что привык отвечать за безопасность дома и не обсуждать свои решения. С тобой это не работает.

— Ты кто такой? Что ты сделал с настоящим Зирраэлем?

— Лада.

— Я просто уточняю. Вдруг дроу иногда меняют старших братьев, когда те начинают признавать ошибки. Проснулась с одним властным красавчиком, после прогулки получила другого. Мне нужно понимать, следует ли теперь заново проверять его на способность останавливаться.

— Ошибки я признаю.

— Раз в несколько столетий, как появление истинной метки?

Я не ответил. А она на это улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она уже спокойнее. — Я не обещаю больше не искать выход. Ты ведь всё равно не поверишь. Но в следующий раз сначала потребую объяснений, а уже потом буду красть ключи и пробираться по закрытым коридорам. Для первого дня в роли разумного похитителя ты продвигаешься неплохо.

— Это похвала?

— Предварительная. Не привыкай.

Она протянула руку. Я коснулся серебряной линии. Красная ветвь потемнела, светлая вспыхнула под моими пальцами. Лада замерла, но руку не убрала.

До вечера маг исследовал зеркало, но оно больше не показывало другой мир.

Когда я вернулся, Лада сидела на кровати в длинной сорочке и держала книгу вверх ногами.

— Увлекательная? — спросил я.

Лада посмотрела на обложку.

— Очень. Особенно если учесть, что я не понимаю ни одного знака. Решила производить впечатление образованной пленницы.

— Получилось неубедительно.

— Значит, завтра потребую учителя. Если собираюсь жить под горой, должна хотя бы научиться читать предупреждения на дверях.

Я рассказал, что переход не восстановился. Метка лишь помогла зеркалу на короткое время найти прежнюю точку. Для полного открытия требовалась магия.

Она выслушала без шуток.

— Но гримёрка была настоящая?

— Да.

— И время там идёт?

— Вероятно.

Лада спросила, продолжит ли маг работу, затем легла и натянула покрывало на колени.

Я погасил часть кристаллов.

— Отдыхай.

До соседней двери оставалось несколько шагов, когда Лада окликнула:

— Зирраэль.

Я обернулся.

Волосы после купания высохли мягкими волнами, сорочка открывала плечи. Лада нервничала: пальцы собирали покрывало в складки.

— Я обещала, что ты будешь первым.

Желание отозвалось сразу. Слишком резко для спокойного разговора.

— Ты сказала: если решишься.

— Я решила.

Я подошёл к кровати, но не коснулся её. Между нами оставалось меньше шага, однако Лада смотрела так, словно именно это расстояние сейчас имело значение. Стоило мне протянуть руку — и всё изменилось бы.

— Несколько часов назад ты увидела дорогу домой. Сейчас боишься, что снова её потеряла. Если ты пытаешься заглушить этот страх...

— Я боюсь, — перебила Лада. — Ещё злюсь. Ещё хочу стукнуть тебя чем-нибудь тяжёлым за твоё вечное «я решу». И всё равно... хочу тебя. Представляешь, во мне это прекрасно помещается одновременно. Если ждать момента, когда я перестану бояться, злиться и думать о том зеркале, ты состаришься. Даже с учётом того, сколько живут дроу.

Она говорила уверенно, однако пальцы продолжали мять покрывало, а под тонкой сорочкой слишком быстро поднималась грудь.

— Ты можешь пожалеть.

— Конечно, могу. Люди постоянно о чём-нибудь жалеют. Иногда ещё до того, как закончили делать. Но это будет моё сожаление, понимаешь? Я сама тебя останавливаю, сама зову и сама решаю, когда готова продолжить. Если передумаю, скажу. Ты уже доказал, что понимаешь слово «стоп», поэтому я сейчас разговариваю с тобой, а не строю баррикаду из мебели.

Лада отбросила покрывало и протянула мне руку.

— Иди сюда, правильный дроу. Пока я не решила, что первой всё-таки должна быть еда. Учти, после ужина я наверняка стану рассудительнее, а тебе это совершенно невыгодно.

Я взял её за пальцы. Лада потянула меня к себе, встала коленями на постели и обвила руки вокруг шеи. Теперь наши лица оказались почти на одном уровне, хотя даже так ей пришлось запрокинуть голову.

Я собирался поцеловать её осторожно. Медленно. Дать привыкнуть к моему прикосновению и в любую секунду позволить отстраниться.

Лада разрушила этот замысел первой.

Она прижалась ко мне всем телом, провела языком по нижней губе и запустила пальцы в мои волосы. Её рот оказался тёплым, настойчивым, уже приоткрытым для поцелуя. Я ощутил под ладонями тонкую ткань сорочки, жар кожи под ней и мягкость её тела. Слишком много ощущений сразу. Моё терпение перестало казаться достоинством и превратилось в пытку.

И всё же я удержал ладони на её талии.

Лада отстранилась ровно настолько, чтобы заговорить:

— Ты собирался быть чувственным любовником, а не медленным до следующего лунного цикла.

— Я хочу запомнить тебя.

— Я пока никуда не исчезаю. И если продолжишь просто держать меня за талию, начну подозревать, что дроу только рассказывают о своей распушенности, а на деле не знают, что делать с женщиной в постели.

— Ты намеренно меня провоцируешь?

— Наконец-то ты заметил.

Она снова поцеловала меня, прикусила нижнюю губу и тут же провела по ней языком. В этом движении смешались дерзость и нервозность. Лада хотела меня, но всё ещё прислушивалась к каждому звуку за дверью, помнила о зеркале и, вероятно, сама удивлялась тому, что впустила в свою постель одного из похитителей.

Я обхватил её затылок и углубил поцелуй. На этот раз она не пыталась торопить меня. Её губы смягчились, язык скользнул навстречу моему, а пальцы сильнее сжали волосы. Я гладил её спину через сорочку, чувствуя под ладонью каждый позвонок, затем спустился ниже и сжал округлую ягодицу.

Лада тихо выдохнула мне в рот.

— Вот. Уже больше похоже на то, что я себе представляла.

— Ты успела многое представить?

— После купальни? К сожалению, да. У меня богатое воображение и слишком хорошие глаза.

— И что именно ты представляла?

— Если расскажу всё, ты станешь ещё самодовольнее. Для начала можешь доказать, что мои представления не были напрасными.

Её пальцы нашли край моего уха. Лада провела по нему от основания до острого кончика, и удовольствие резкой волной прошло по телу. Я невольно сильнее сжал её ягодицу, притянул ближе, заставив почувствовать, насколько сильно она на меня действует.

Смешок застрял у неё в горле.

— Ого! Кажется, кое-какие доказательства уже появились.

— Самое уязвимое место великого дроу находится у всех на виду, — произнёс я.

— И это тоже. Но сейчас я имела в виду не уши.

Она прижалась бёдрами к затвердевшему члену и медленно качнулась. Моё терпение оборвалось. Я уложил её на подушки, накрыл собой и поймал губами новый смешок.

Лада обхватила меня ногами. Тонкая сорочка задралась до бёдер, её обнажённая кожа скользнула по моим брюкам. Она снова подалась навстречу, явно проверяя мою выдержку, и застонала, когда я прижал её к постели сильнее.

Я поцеловал её шею, провёл языком по частому пульсу и прикусил чувствительную кожу возле плеча. Лада выгнулась, царапнула ногтями мой затылок. Её запах стал гуще, к теплу кожи примешался аромат желания, от которого я только сильнее захотел сорвать мешающую ткань и взять женщину, уже раскрывшуюся подо мной.

Вместо этого я медленно стянул сорочку с её плеч.

Лада помогла поднять руки, но запуталась в рукаве и негромко выругалась.

— Не двигайся.

— Не приказывай мне, когда я голая. Это сбивает настрой.

Я освободил её руку и отбросил сорочку. Лада тут же прикрыла грудь ладонями. Этот жест не сочетался с тем, как несколько мгновений назад она тёрлась о меня бёдрами.

— В купальне ты смушалась меньше.

— В купальне была вода. Она хотя бы создавала иллюзию, что что-то скрывает. А ты сейчас разглядываешь меня так, будто собираешься пересчитать все родинки и составить опись имущества.

— Я собираюсь запомнить каждую.

— Звучит красиво, но ты всё ещё полностью одет. Получается крайне неравноправное запоминание.

Я взял её за запястья и отвёл руки в стороны. Грудь у Лады была мягкой, полной, с тёмными затвердевшими сосками. Её кожа светилась в голубоватом сиянии кристаллов и казалась почти золотистой рядом с моей.

Я наклонился и поцеловал серебряную метку на запястье. Затем медленно провёл губами по внутренней стороне руки, добрался до плеча и спустился к груди.

Лада напряглась, когда мой язык коснулся соска. Я обвёл его кончиком, слегка втянул в рот и почувствовал, как её пальцы впились в мои плечи.

— Зирраэль...

Я накрыл ладонью вторую грудь, сжал мягкую плоть и потёр сосок большим пальцем. Лада вскинула бёдра, разыскивая между нами нужное давление. Я прижал её к постели бедром и продолжил ласкать грудь, пока её дыхание не стало частым, а тихие стоны — откровеннее.

— Ты всё ещё считаешь меня слишком спокойным?

— Считаю, что ты злоупотребляешь преимуществом. На тебе одежда, у тебя свободны обе руки, а я уже не могу вспомнить, какую язвительную реплику собиралась произнести.

— Возможно, впервые за всё время ты решила помолчать.

— Даже не надейся.

Я провёл ладонью от её груди к животу, медленно погладил мягкую округлость, спустился ниже. Лада замерла, когда мои пальцы добрались до места между её бёдер.

Она была уже влажной.

Я провёл пальцем вдоль горячих складок, собирая выступившую влагу, и задержался возле чувствительного бугорка. Лада резко вдохнула и сильнее развела ноги.

Я погладил её клитор медленными кругами. Лада прикусила губу, однако почти сразу перестала сдерживать звуки. Её тело отзывалось на каждое движение слишком искренне, чтобы она могла скрыть желание привычной шуткой. Бёдра подались навстречу пальцам. Когда я осторожно проник одним внутрь, её влажные мышцы сжались вокруг меня.

— Так? — спросил я, наблюдая за её лицом.

— Ты издеваешься? — Она распахнула потемневшие глаза. — По-моему, совершенно очевидно, что так. Только не прекращай каждый раз, когда решаешь задать вопрос. Женщины в этот момент способны возненавидеть даже очень красивого мужчину.

Я добавил второй палец, медленно растянул её и одновременно усилил ласку клитора. Лада застонала, запрокинула голову и вцепилась в покрывало.

Мне нравилось видеть, как исчезает её привычный контроль. Нравилось чувствовать влагу на пальцах, слышать собственное имя между прерывистыми вдохами. Но этого было мало.

Я опустил ниже.

Лада приподнялась на локтях.

— Подожди. Ты куда?

— Хочу узнать тебя на вкус.

В её глазах мелькнули смущение и предвкушение.

— Ты против?

Она посмотрела на меня, потом на собственные разведённые бёдра.

— Если я сейчас скажу, что стесняюсь, ты ведь не поверишь?

— Поверю.

— Хорошо. Я ужасно стесняюсь. Но если ты из-за этого остановишься, я тебя ударю.

Я провёл губами по внутренней стороне её бедра. Кожа здесь оказалась особенно нежной. Лада вздрогнула, когда я прикусил её чуть выше колена, а потом медленно поднялся поцелуями к влажным складкам.

Первое прикосновение языка заставило её судорожно вдохнуть. Я раскрыл её пальцами, провёл языком снизу вверх и задержался на набухшем клиторе. Вкус Лады смешался с её запахом, окончательно лишая меня способности думать о чём-либо другом.

Она сдавленно простонала и попыталась свести ноги. Я удержал её за бёдра.

— Зирраэль... Подожди...

Я сразу поднял голову.

— Остановиться?

— Нет. То есть... не совсем. Просто дай мне секунду. Ты так смотришь, будто это я сейчас делаю что-то неприличное.

— Ты лежишь обнажённая в моей постели и позволяешь мне ласкать тебя языком. По меркам твоего мира это считается неприличным?

— По меркам моего мира в такой момент принято хотя бы притворяться, что мужчина не рассматривает всё настолько внимательно.

— Я не намерен притворяться. Ты красивая и здесь тоже.

Лада закрыла лицо ладонями.

— От таких слов порядочные женщины окончательно теряют остатки разума.

— Ты назвала себя порядочной?

Она отняла одну ладонь и посмотрела на меня между пальцами.

— Всё. Продолжай. И не разговаривай.

Я подчинился.

Я ласкал её языком медленно, прислушиваясь к каждой реакции. Проводил по влажным складкам, проникал внутрь, возвращался к чувствительному бугорку и обводил его кончиком языка. Лада перестала прятать лицо. Одна её рука легла мне на затылок, пальцы запутались в волосах и притянули ближе.

Она уже сама двигала бёдрами, подстраиваясь под ритм. Когда я снова ввёл в неё два пальца и согнул их, отыскивая особенно чувствительное место, Лада вскрикнула.

— Вот так... Зирраэль, ещё. Не останавливайся сейчас, слышишь?

Просьба сорвала последние остатки моей сдержанности. Я усилил движения, продолжая ласкать её клитор языком. Лада задрожала. Её пятки упёрлись в постель, пальцы резко сжались в моих волосах, а влажные мышцы сжали мои пальцы.

Она кончила с громким стоном, выгнулась и попыталась сомкнуть ноги. Я удержал её, продлевая удовольствие, пока дрожь не стала слишком сильной.

Только после этого поднялся к её лицу.

Лада тяжело дышала, щёки и грудь порозовели, волосы рассыпались по подушкам. Несколько мгновений она смотрела на меня рассеянно, словно не сразу вспомнила, где находится.

А потом притянула меня за шею и поцеловала. Сначала осторожно, ощутив на моих губах собственный вкус, затем жадно. Её язык скользнул в мой рот, ладони прошлись по спине и опустились к поясу.

— Ты слишком медленно раздеваешься, — пожаловалась Лада, дёрнув застёжку.

Она заставила меня сесть и встала на колени. Пальцы Лады справились с застёжками не сразу: несколько раз соскользнули, а потом сердито потянули ремень.

— Кто вообще придумал столько креплений?

— Обычно дроу умеют управляться со своей одеждой.

— Тогда раздевайся сам.

— Ты сказала, что хочешь сделать это.

— Я уже передумала. Мне мешают торопливость и очень убедительная причина торопиться.

Её взгляд опустился к бугру под брюками.

Я расстегнул оставшиеся крепления и снял одежду. Лада замолчала. Её взгляд медленно прошёл по моей груди, животу и остановился на затвердевшем члене.

— Кажется, я тебе действительно нравлюсь, — сказала она заметно тише.

— Ты до сих пор сомневалась?

Лада коснулась меня осторожно, обхватила пальцами. Её ладонь скользнула от основания к головке, размазывая выступившую влагу. Я упёрся рукой в постель, чтобы не подмять её под себя сразу.

Она повторила движение, наблюдая за моим лицом, и улыбнулась.

— Всё-таки умеешь выражать эмоции.

Я накрыл её руку своей, направляя.

— Ты красивая, — произнёс я. — Живая, тёплая и бесконечно дерзкая. Я желал тебя с того момента, когда ты без разрешения коснулась моего уха. В купальне мне хотелось прижать тебя к камню и заставить забыть все твои человеческие правила. Сейчас я с трудом удерживаюсь, чтобы не перевернуть тебя и не войти сразу.

Лада облизнула губы. Её пальцы сжались крепче.

Я поцеловал её и она сразу развела бёдра, позволяя устроиться между ними. Мой член лёг на её живот, и Лада снова обхватила его ладонью. Провела головкой по влажным складкам, заставив нас обоих застонать.

— Ты понимаешь, чем это может закончиться, — напомнил я, хотя она знала ответ.

Веселье исчезло из её взгляда, но рука не дрогнула.

— Понимаю. Я не забыла, зачем вы меня привели. Только сейчас ты здесь не из-за приказа своей матери. И я позвала тебя не ради наследника. Если ты вдруг снова решил превратить это в выполнение долга, можешь одеваться и уходить.

— Я здесь ради тебя.

— Тогда иди ко мне.

Серебряная линия на её запястье засветилась. Я переплёл наши пальцы и прижал её руку к подушке возле головы.

Головка моего члена коснулась входа. Лада была горячей и влажной, но я всё равно вошёл медленно, позволяя ей привыкнуть к размеру. Её тело сопротивлялось, растягивалось вокруг меня. Лада шумно выдохнула и стиснула мои пальцы.

Я остановился, войдя лишь наполовину.

Я поцеловал её, дождался, пока напряжение в бёдрах ослабнет, и двинулся глубже. Лада застонала прямо мне в рот. Её свободная рука скользнула по моей спине, ногти оставили жгучие полосы на коже.

Когда я вошёл до конца, она замерла. Я чувствовал каждое сокращение внутри неё, влажное тепло, тесно обхватившее член.

Первое движение получилось медленным. Я почти полностью вышел и снова вошёл, чувствуя, как её тело принимает меня уже легче. Второе — глубже. На третьем Лада подалась навстречу, а её тихий стон отозвался во мне жаром.

Я держал её бедро, меняя угол каждого толчка. Грудь Лады покачивалась в такт движениям. Я наклонился, поймал губами сосок и услышал, как она выдохнула моё имя.

— Быстрее, — простонала она.

Я ускорился.

Звук наших тел стал отчётливее. Кровать едва заметно вздрагивала, покрывало сбилось под бёдрами Лады. Она царапала мою спину, прикусывала губу и каждый раз подавалась навстречу, принимая глубже.

Метка вспыхнула, и вместе с собственными ощущениями я почувствовал её удовольствие. Жар внизу живота. Сладкое напряжение в каждой мышце. Почти болезненную наполненность, которая уже перестала пугать и заставляла требовать ещё.

Я сильнее развёл её бёдра и приподнял одну ногу. Новый угол позволил входить глубже. Лада вскрикнула и прикусила моё плечо.

— Не сдерживайся, — прошептал я ей в ухо. — Стены здесь достаточно толстые.

Она сама притянула меня за шею. Я двигался быстрее, чувствуя, как её влажное тело сжимается вокруг члена. Каждый толчок проходил через нас обоих. Метка смешивала ощущения, и я уже не всегда понимал, где заканчивается моё удовольствие и начинается её.

Лада то закрывала глаза, то снова смотрела на меня, словно проверяла, что я всё ещё вижу её — женщину, которую желаю, а не безымянную человеческую самку, предназначенную дому.

Я прижал её к постели и начал двигаться жёстче. Лада вскрикивала при каждом глубоком толчке, но не пыталась отстраниться. Её ноги крепче сомкнулись на моей талии, пятки вжались в спину, а ногти оставили новые следы на плечах.

Я поцеловал её, заглушая стоны, и провёл рукой между нашими телами. Нашёл набухший клитор и начал ласкать в ритме движений.

Лада выгнулась.

— Да... Вот так. Не прекращай. Зирраэль, пожалуйста...

Я продолжал, чувствуя, как нарастает её напряжение. Её тело всё сильнее сжимало меня, дыхание стало прерывистым, а слова превратились в обрывки моего имени.

Лада вскрикнула, прижалась ко мне всем телом и задрожала. Внутренние мышцы пульсировали вокруг члена, почти лишая меня способности двигаться. Я сделал ещё несколько

глубоких толчков и остановился внутри неё, когда собственное удовольствие наконец сорвало выдержку.

Я излился в неё, прижавшись лбом к её виску. Метка вспыхнула так ярко, что серебряный свет проступил даже сквозь закрытые веки. Несколько мгновений я чувствовал только жар, её влажное тело вокруг себя и собственный пульс, постепенно замедляющийся вместе с её дыханием.

Я не сразу смог заставить себя отстраниться.

Лада лежала подо мной неподвижно, всё ещё обхватив ногами. Потом открыла один глаз.

— Это было достаточно традиционно даже для очень правильного дроу.

— Ты недовольна?

— Я пытаюсь сделать комплимент. Не мешай.

Я осторожно вышел из неё и лёг рядом. Лада поморщилась от внезапной пустоты, затем придвинулась ближе и положила голову мне на плечо. Я укрыл нас покрывалом, погладил её по влажной спине и почувствовал, как быстро уходит напряжение из её тела.

Она сонно провела пальцами по шраму возле моей ключицы.

— Теперь можешь сказать, что выполнил приказ матери.

— Нет.

— Почему? Технически всё необходимое ты сделал. Даже очень старательно.

— Потому что это не имело к её приказу отношения.

Лада коснулась губами моей груди и от этого вспыхнула серебряная линия.

Жар прошёл через тело. Я почувствовал сонное тепло Лады, тяжесть её век, спокойствие, которого прежде не знал. Следом издалека пришла другая эмоция — резкая, горячая и чужая.

Ревность.

Дверь открылась.

На пороге стоял Файриин. Он смотрел на Ладу, на её руку у меня на груди и сияющую между ними метку.

— Значит, Зирраэль снова получил всё первым.

7

Файриин

— Значит, Зирраэль снова получил всё первым.

Я произнёс это спокойно так, как говорил всегда, когда старшему доставалось то, чего не мог получить я.

Лада лежала под покрывалом, прижавшись к его боку. Волосы спутались, губы припухли от поцелуев, на светлой коже проступали следы его пальцев. Серебряная метка тянулась от её запястья к груди, а под ладонью Зирраэля горела ответная ветвь.

Я чувствовал их обоих. Сонное удовлетворение Лады, настороженность брата и собственную ревность, такую острую, что она отдавала горечью на языке.

Зирраэль приподнялся.

— Файриин, подожди.

— Для чего? Чтобы ты объяснил, почему старший сын снова оказался первым? Я и без объяснений знаю порядок нашего дома.

Я ушёл прежде, чем он успел ответить.

В детстве Зирраэль первым получил клинок, боевой пояс и место рядом с матерью на советах. Позже ему достались титул наследника, обязанности и уважение дома. Мне оставили свободу: любовниц, дальние походы и право пропускать советы. Я смеялся над тяжестью на его плечах и уверял всех, что не желаю меняться местами. До Лады эта ложь почти не причиняла боли. Другие женщины не пытались разглядеть, чем мы отличаемся, и не требовали ничего дольше одной ночи. Лада видела двух мужчин. Старшего называла правильным, меня — бедствием с красивыми ушами. И всё же выбрала его первым.

Вторым я оставаться не собирался.

Я добрался до музыкального зала и ударил ладонью по струнам большой напольной лиры. Звук получился низким и злым. Ещё один удар заставил струны задрожать вместе с кристаллами под потолком.

— Если ты собираешься так играть всю ночь, я всё-таки вернусь к Зирраэлю.

Лада стояла возле входа. Она успела вымыться и переодеться в тёмно-синее платье, которое ей подобрали служ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.